

быть, подчас ошибался, может быть, иногда заставлял древних думать то, чего они не думали. Но едва ли ошибался много чаще тех, которые, толкуя древних, ни о новой науке, ни о современной жизни не думают.

Речь памяти великого князя Константина Константиновича²⁰⁸

С горькой думой о тяжелой утрате Императорского Русского археологического общества открывает свое первое после летнего перерыва общее собрание.

2 июня в 7 часов вечера в Павловске скончался великий князь Константин Константинович, бывший третьим по времени председателем нашего общества. Почти ровно 23 года тому назад, в общем собрании 1 декабря 1892 года — так читаем мы в истории общества — все члены единогласно постановили просить великого князя Константина Константиновича стать во главе общества, о чем и было доведено до сведения Его Императорского Высочества особой депутацией в лице помощника председателя, управляющих их отделениями и секретаря общества. В 19 день декабря 1892 г. последовало высочайшее соизволение на принятие великим князем звания председателя Императорского русского археологического общества. Прибыл в собрание общества в первый раз 18 января 1893 г., Августейший председатель благодарил общество за избрание, которое, говорил он, дорого ему вдвойне как внимание со стороны ученого учреждения и как память об отце, как бы передающем по наследству своему сыну звание председателя общества. При этом великий князь выразил опасение, что не имеет тех познаний в области изучения древностей, какими располагал его покойный родитель, и притом, обремененный многочисленными занятиями, не будет в силах посвящать обществу количество времени, соответствующее своим желаниям. Обращение нового председателя к обществу закончено было заявлением намерения содействовать развитию деятельности общества. Августейший председатель сделал все от него зависящее, чтобы исполнить это свое намерение. С живейшей готовностью, внушаемой уважением к деятельности и заслугам общества, он являлся усердным ходатаем о пользах общества и стойким их оберегателем.

Уже в первые годы своего председательства он исходатайствовал предоставление обществу того помещения, в котором ныне мы находимся, и еще очень недавно своим заступничеством отвратил от общества угрожающую было ему опасность лишиться этого помещения.

²⁰⁸ [Текст речи публикуется по рукописи П. В. Никитина. Здесь и далее указания на местонахождение архивных материалов даны в конце каждой публикации.]

В председательство великого князя общество торжественно справило свой 50-летний юбилей и при этом случае по ходатайству председателя получило увеличение ежегодного казенного пособия с 5000 до 8000 руб. По его же ходатайству пожалованы были средства на Афонскую экспедицию и на издание фресок Паксимена.

Эту всегдашнюю готовность великого князя по первому призыву перед кем бы то ни было ходатайствовать за общество нельзя объяснить только привычкой быть во всем точным исполнителем велений долга, тех или других раз принятых на себя обязанностей²⁰⁹.

Не часто удавалось ему посещать наши собрания; но как по тому участливому вниманию, с каким во время посещений следил он за докладами и прениями, так и по всему складу его отношений к обществу и его деятелям чувствовалось, что занятия археологического общества находили себе отзвук в склонностях и любимых занятиях председателя. Как старательно осведомлялся он о лицах, предметах и явлениях греческой и римской древности, знают те, к кому он обращался с запросами, когда составлял комментарий к «Ифигении в Тавриде» и особенно когда слагал религиозную драму, в которую вложил любовь к Богу и к людям проникнутые помыслы. Так случилось, что предметом или последней или одной из последних бесед, которые он вел за несколько часов до своей кончины, и предметом его последнего письма, тогда же в постели им написанного, были древности, древности Царьграда. В чрезвычайно широкий круг его любознательности и его образованности археология входила, конечно, главным образом постольку, поскольку в археологию выходит история искусства. Но что его настроения эстетические и религиозные могли осложняться и усиливаться тем очарованием, которое в глазах археолога предметам древности придает сознанием их древности, видно хотя бы из этих стихов, навеянных посещением Венецианского св. Марка:

«Прозрачный, легкий дым каждый благовонных,
Струясь вокруг мраморных столбов,
Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных.
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки России
Невольню вспомнил я тогда».²¹⁰

²⁰⁹ [В оригинале абзац зачеркнут.]

²¹⁰ [К.Р. Стихотворения. 1879–1912. СПб., 1913. Т. 1. С. 208.]

Последние из этих стихов, написанных еще в 1885 г., не могут не напоминать о том, что великий князь впоследствии был не только большим любителем, но и знатоком древней русской иконописи и вообще древнего русского церковного искусства. Но всякая исключительность и односторонность были одинаково чужды и его уму и его чувству. С детства окруженный художественными сокровищами Павловского дворца, он воспитал в себе способность глубокого чувствования красоты искусства и нового и древнего, и христианского, и языческого. Примирение двойственности начал и красоты и нравственности, и жизни, которое многим другим или совсем не дается, или дается мучительно и поздно, рано сказалось в его поэзии, чуть ли не лучше всего в этом образе: древний египетский сфинкс улыбается покоящемуся между его гранитными лапами Божественному младенцу.

Известие о кончине великого князя должно было во всяком, кто сколько-нибудь знал его, вызвать мысль, которую он в стихотворении на чью-то кончину выразил словами:

«Одной прекрасной душой
Меж нами менее...»²¹¹

С этой мыслью на уме и сегодня почтим мы память нашего незабвенного председателя.

Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 370. Л. 3–8.

III. ПЕРЕВОДЫ

Эсхил. Семь против Фив²¹²

[Пролог]

[л. 2] На Кадмее ранним утром.

(1) Этеокл. Граждане Кадмова града! Полезное должен говорить тот, кто исполняет свой долг на корме государственного корабля, правит рулем, не давая сну сомкнуть вежды. Ведь имей мы успех, «скажут:» бог — причина; если же — да не будет этого — беда случится, одного лишь Этеокла (5) будут в городе многократно поминать граждане громкими песнями и рыданиями. Пусть Зевс, избавив нас от них, избавителем назовется в городе Кадмеян. Должны теперь вы «все», и тот, кто не достиг еще молодости

²¹¹ [На смерть графини А. А. Мойра // Там же. С. 71.]

²¹² [Перевод публикуется по черновой рукописи П. В. Никитина, хранящейся в ПФА РАН, и датируется 1897/1898 г.: см. л. 40 об. Для удобства чтения раскрыты принятые Никитиным сокращения: Эт. — Этеокл, В. — Вестник, И. — Исмена, А. — Антигона, Х. — Хор фиванских девушек, и текст перевода структурирован: в нем выделены пролог, коммос и т. д.]